Автор
Марина Чайка

Фото
Ольга Вишнякова

Брать интервью у журналиста, которого уже признавали лучшим в то время, когда ты еще и на свет-то не появилась, – не просто волнительно, а в какой-то степени, на мой взгляд, даже глупо. Слушать и учиться, впитывать в себя опыт не только профессиональный, но и жизненный, – большей задачи я перед собой не ставила. «Уральский Невзоров» – с таким определением себя, которое уже давно закрепилось за Санниковым, Андрей Юрьевич спорить и не думает. Лишь улыбается и добавляет: «У меня очень скверный характер. Я журналюга...»

УМЕРЕТЬ НЕ СТРАШНО И ЖИТЬ НЕ СТРАШНО

Не журналист, а именно журналюга. У журналюги есть бешенство совести в настоящем. Он может совершенно реально ошибаться, но полагает, что было бы бессовестно поступить как-то иначе. Журналюга, в отличие от репортера, имеет убеждения. Он искренне верит в то, что его общественная позиция должна быть услышана, и он имеет на нее право.

Некоторое время я провел в Германии. Там в нескольких наиважнейших телекомпаниях был, и все они хвастались тем, что у них есть, успехами роботизации и демократии. В конце концов, я не выдержал и спросил: «А у вас журналист ценится именно как персонаж? Как автор?» Они сказали: «Ты что! Нет! За такие вещи дисквалифицируют! Ни в коем случае, мы культурная страна!». А вот нормальные российские журналюги – это по большей части люди малообразованные, истеричные, с массой порочных привычек. Это люди, которые имеют собственные убеждения.

АНДРЕЙ САННИКОВ – ЧЛЕН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ, АВТОР ИЗВЕСТНЫХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ПРОЕКТОВ, В ТОМ ЧИСЛЕ «НАРКОТЕРРОР», «ПОДЛИННИК» И ДРУГИХ. ОДИН ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ УРАЛЬСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ, СОУЧРЕДИТЕЛЬ ФОНДА «ТРЕЗВЫЙ ГОРОД».

По образованию я историк религии. Уральский госуниверситет, стажировка в МГУ. Я в экспедиции ездил. Но наукой занимался не очень долго, желание участвовать в происходящем оказалось сильнее. Конечно, во многом я был одурачен перестроечной трескотней, но я искренний человек, всегда был верующим и вполне патриотичным. При этом всегда довольно осознанно отказывающимся от сотрудничества с системой. Я хиппи. Православный хиппи. Как такой персонаж может сотрудничать с чиновниками? Хиппи – это ведь не длинные волосы, это принципиальное несогласие с той степенью искренности и ответственности перед жизнью, которую вам предлагают.

Я отчего-то был убежден, и долгое время, что всех старушек, по крайней мере, в городе, должен через дорогу переводить именно я. Сейчас-то я понимаю, что хорошо было бы наладить нормальную работу светофоров, следить за сотрудниками ГАИ, жестче наказывать водителей.

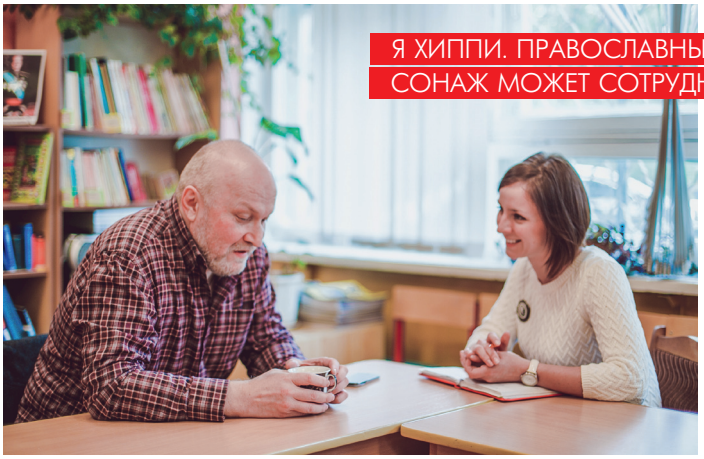
В перестроечное время я «приватизировал» рекламную службу гостелекомпании. Рекламное время взял себе, а потом от огромной лени и разгильдяйства все это время продал оптом и остался дольщиком. И каждый четверг в семь часов – неделя за неделей, месяц за месяцем – мне привозили кирпичи денег. И все – у меня что-то вылетело в голове. Смыслоутрата произошла. Не потому что я много пил или развратничал. Я понимал, произошло что-то, что отменило необходимость подвига, усилия, терпения, сдержанности.

Я купил себе совершенно сиротские кеды, кепку в народном стиле, дешевый рюкзачок и уехал в Нижний Тагил. Там уже жили мои друзья, в том числе Женечка Туренко, знаменитый, гениальный наш русский поэт. Стал там жить, работал плотником в церкви, в Нижнетагильском благочинии. Там, в помещениях огромного дореволюционного женского монастыря, был детский дом на 1 500 детей. Я с ними постоянно возился. Я ведь уехал, оставив жену с дочерью, и очень тосковал по ним. А потом мы с благочинным организовали церковно-приходскую школу для взрослых и детей. Там со мной произошли довольно важные события. Я понял, что человеку в месяц надо 10 кг гречки и в качестве бонуса – пригоршню соли. Все. Я вернулся настолько свободным. И Господь не оставляет меня, я же каким-то образом зарабатываю деньги. Ведь нельзя сказать, что я асоциальное существо. Я думаю, что я гораздо более социально навязчив, чем чиновник или пропагандист. Позиция социальная у меня совершенно агрессивная.

Моя дочь сейчас признается, что в детстве стеснялась со мной по улице ходить. Говорит, ты обязательно будешь со всеми ругаться, с кем-то драться, мальчишек с деревьев и гаражей снимать, куда-то звонить.

Мы запустили Объединение творческой молодежи («ОТМ»). Потом с друзьями сделали проект «Город без наркотиков». Такая жесть началась! В 2006 году мы с ГБН раскланялись, и я запустил «Трезвый город». Я не хвастаюсь, я говорю об этом с гордостью. Рядом со мной были люди бесстрашные. Мы добились того, что розничную спиртоторговлю в Екатеринбурге и области в основном уничтожили. Продавать из подворотни в розлив у нас прекратили. Мы посадили кучу народа. Страшно было, очень страшно. И за семью в том числе. Я почему-то думал, что факт того, что я совершаю подвиги, достаточен. Это сейчас я понимаю, что если человек решает совершить подвиги, он сначала должен, простите за грубость, оставить семье буханку хлеба и пачку денег на столе, а потом идти совершать подвиги. Возвращаться с проломленной головой и говорить: «Не требуйте от меня большего, потому что я вот таким образом выполняю свои обязательства» – это неправильно.

У меня дочь в бронежилете ездила! Какое-то время она вспомнила об этом с интересом. Сейчас-то мы понимаем, что это было совершеннейшее безумие. На мою жену



Я ХИППИ. ПРАВОСЛАВНЫЙ ХИППИ. КАК ТАКОЙ ПЕРСОНАЖ МОЖЕТ СОТРУДНИЧАТЬ С ЧИНОВНИКАМИ?

было покушение, у меня тоже – голова вдребезги и дырка в животе... Но я был убежден, что если я этого не сделаю, то всю жизнь буду сутулиться. Невозможно жить, когда несправедливость существует. Понятно, что в этом была определенная гордыня. Сейчас я бы по-другому, конечно, поступил. Гораздо более эффективно бы работал, но в том же направлении. Я был бы гораздо более спокоен, без неврастении, без фанатизма. Помните, как писали революционеры: мы идем маленькой кучкой, взявшись за руки, по краю обрыва. А мы шли на лыжах с закрытыми глазами и задом наперед с гранатой в зубах. Мы сделали все, чтобы попасть в самые опасные ситуации. Но, в принципе, мы остановили героиновую волну. И я думаю, что мы остановили ее и в России тоже. Против меня восемь раз возбуждали уголовные дела. Дошло до того, что во время визита Путина в Таджикистан президент Рахмонов просил сделать что-нибудь с Санниковым, который выпускает фильмы, разрушающие великую дружбу таджикского и российского народов. Не знаю, что Владимир Владимирович тогда сказал, но через две-три недели все уголовные дела против меня просто закрыли за отсутствием состава преступления. Я пел и плясал. (*Смеется.*)

Сейчас ситуация, не могу сказать, что прекрасная, но из пике страна вышла. Нам удалось прихлопнуть аптечный алкоголизм в стране. Сейчас его нет в тех диких формах, в которых раньше существовал, в 2008-2010-х.

Я недавно понял, что похож на дерево, на ветвях которого сидят птицы. Я себя так чувствую – и мне так хорошо в этом. Моему внуку почти пять лет, внучке – 4 месяца. Конечно, у меня есть биологическое восхищение от происходящего, но это далеко не все. Полгода назад внук ко мне подошел и говорит: «Дед, у тебя умер лучший друг, дядя Женя» (*прим. авт.: поэт Евгений Туренко*). Я говорю: «Да». А он очень так серьезно: «У тебя же нет сейчас лучшего друга, давай я буду твоим лучшим другом». Все, теперь это мой лучший друг. Когда его нет рядом или меня нет рядом, мы непрерывно друг другу звоним, все рассказываем.

Я иногда попадаю в удивительные ситуации, когда вдруг понимаю, что вижу мир его глазами. Смоленск. Мы идем с ним вдоль стены. У нас карта, рюкзак. В рюкзаке лежат три куриных ноги, булка и бутылка минералки. Мы должны пройти все 7,5 км, подойти к каждой башне, обвести ее на карте и пойти дальше. Идем, едим эти куриные ноги, разговариваем и видим шмеля, который сидит на стене. И вдруг меня заклинивает! Я понимаю, что вижу ровно то же самое, что видит сейчас мой внук! Когда он рядом со мной, у меня вообще мир выключается. Мне кажется, лет до шести у ребенка все хорошо. Он не знает о смерти, у него нет тревог, гордыни, обид. Это какое-то ощущение рая, когда ты бестелесен и бестревожен. И когда мой внук рядом, я словно нахожусь в этом его раю. А спустя месяца два он мне говорит: «Дед, а помнишь шмеля?» Вот тут я… обалдел! Я понял, что это не моя поэтическая экзальтация, а все на самом деле так и есть. Вот такой у меня есть человек.

Что-то настолько изменилось... Умереть не страшно и жить не страшно. Какие-то ветви просунуты так далеко в небо, в такие ярусы... Все самое главное – все уже случилось. Как-то смотрел фрагмент документального фильма с писателем Виктором Астафьевым. Его журналист спрашивает (а журналист вроде как должен задавать умные и непростые вопросы): «Скажите, вот сейчас, оглядываясь на вашу нелегкую прожитую жизнь... Как вы думаете, как вы жили?» Он-то думал, что Астафьев скажет: «Я бы многое хотел изменить, это сейчас-то я понимаю, что...» А Астафьев – с невыразимым, совершенно скрипучим говором – отвечает: «Ничаво». И вот я сейчас так оглядываюсь: «Ничаво». Я написал гору гениальных стихов (я сейчас не хвастаюсь), спас большое количество людей от смерти. Я в какой-то мере изменил страну в лучшую сторону. Я полагаю, что, конечно, сделал крайне мало из того, что должен был, но я в ту сторону жил и в ту сторону живу. Представляете, жил человек, жил, и вот ему исполнилось 50 лет, например, и он вдруг: «А-а-а... Я промахнулся, я не в ту сторону жил!» А я не промахнулся.

Я ПОНЯЛ, ЧТО ЧЕЛОВЕКУ В МЕСЯЦ НАДО 10 КГ ГРЕЧКИ И В КАЧЕСТВЕ БОНУСА – ПРИГОРШНЮ СОЛИ. ВСЕ.

НА ВСЕ 100.